

Сулейменова Элеонора Дюсеновна

*Казахский национальный
университет им. аль-Фараби, Казахстан*

esuleim@gmail.com

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна

*Казахстанский филиал
МГУ имени М. В. Ломоносова, Казахстан*

nursulu.msu@gmail.com

РУССКИЙ ЯЗЫК ПОЛИЯЗЫЧНЫХ МЕГАПОЛИСОВ КАЗАХСТАНА

Языковое пространство городов, чутко реагируя на мероприятия языковой политики, активно и с опережением отражает процессы, происходящие в общей языковой ситуации страны. Функционирование русского языка в мегаполисах Казахстана обусловлено особенностями их этноязыковой структуры, описание которой построено на данных Комитета по статистике, материалах авторского словаря-справочника географических названий страны. Доказывается необходимость расширения исследований по директивной ортологии и урболингвистике.

Ключевые слова: полиязычие, двуязычие, мегаполис, ортология, вариантность онимов, варианты языка.

В Казахстане есть три города — Алматы, Астана и Шымкент, которые называют *мегаполисами*, игнорируя первоначальное значение слова ‘города с многомиллионным населением’. Число жителей трех городов превысило миллион, при этом почти двухмиллионный Алматы (2018: 1829,0¹) перешагнул этот порог раньше, чем Астана (2018: 1051,2) и Шымкент (2018: 1010,1). Утверждены экологические и социально-экономические планы развития агломерации трех городов. Но ни в одном из документов не говорится об особенностях языковой жизни мегаполисов как результате урбанизации, экспансии городского образа жизни и языка города на территории агломерации и, напротив, влияния языка агломераций на языковую среду мегаполисов.

Языковой портрет трех мегаполисов имеет общие и специфические черты. Общим свойством трех мегаполисов считается полиязычие их жителей, которое складывалось издревле и сохраняется поныне. Своеобразие полиязычия мегаполисов исторически обусловлено условиями, составом и удельным весом этносов, вливавшихся в население города, политическими обстоятельствами (Алматы и Астана — столичные города), географическим расположением (Алматы и Шымкент — юг, Астана — север страны), экономическим и хозяйственным укладом регионов. Примечательно, что первые упоминания о древнем Шымкенте встречаются в письменных источниках пятнадцатого (или даже двенадцатого) века,

об Алматы — шестнадцатого века, а беспрецедентно бурный рост Астаны как новой столицы пришелся на последние неполные тридцать лет.

Алматы с самого начала своей обновленной истории формировался как полиэтничный и многоязычный социальный организм, в котором «на рубеже XIX–XX вв. сосуществовало как минимум семь этноязыковых коллективов, представлявших три генетически разные группировки: тюркскую, славянскую, китайско-тибетскую»². Постепенно полиэтничный город становился дву- и многоязычным. Сегодня Алматы по-прежнему город со стремительно меняющимся этноязыковым ландшафтом. В 1959 году казахи в Алматы составляли 8,6%, русские — 73,1%; 1970: 13,6% и 68,3%; 2005: 46,5% и 37,4%; 2009: 53% и 33,2%; 2018: 59,53% и 26,06%. Крупные этнические общины Алматы — это уйгуры (2010: 5,73%; 2018: 5,5%), корейцы (2010: 1,9%; 2018: 1,8%), татары (2010: 1,82%; 2018: 1,4%), украинцы (2010: 1,24%), остальные этносы не превышают 1% порога. Уйгуры Алматы (крупнейшая вне Восточного Туркестана в КНР с благоприятной демографической динамикой община) в высокой степени сохранили родной язык, издавна являясь билингвами (2010: уйгурский язык — 81,3%, казахский язык — 80,5%, русский язык — 76,1%). Однако уйгурский язык по-прежнему остается только языком общины. Владение русским языком корейцами, татарами, украинцами приближается к 100%. Не задаваясь вопросом о причинах их языкового сдвига (language shift), лишь констатируем факт кризиса / диффузности этнической и языковой идентичности, когда доминирующим по репертуару функций и сферам применения оказался русский язык³.

Иная этноязыковая картина сложилась в пограничном с Узбекистаном Шымкенте (2011: казахи составляли 67,7%, русские — 14,5%, узбеки — 13,7%, азербайджанцы — 1,8%, татары — 1,5%, корейцы — 1,0%; 2015: казахи — 63,8%, узбеки 18,8%, русские — 10,9%, азербайджанцы — 1,8%, татары — 1,2%; 2018: казахи — 65%, русские — 15%). С присоединением к городу прилежащих районов заметно изменился этнический состав Шымкента (показательно увеличившееся до 38 число школ с узбекским языком обучения). В то же время в отношении русского языка языковая компетенция узбеков (2010: узбекский — 97%, казахский — 80%, русский язык — 59,2%) практически не сказывается на формировании русской языковой среды Шымкента.

Астана — новый геополитический объект, в котором долгое время преобладали русские, сегодня казахское население составляет большинство (1970: казахи 12,7%, русские 57,4%; 2006: 40,5% и 28,8%; 2009: 69,4% и 29,9%; 2018: 78,2% и 13,4%). На фоне быстро меняющегося соотношения казахов и русских преобразался и удельный вес иных этносов (1989: украинцы 9,3%, немцы 6,7%, татары 3,3%; 2018: украинцы 1,4%, татары 1,1%, узбеки 1,0%). Пестрая мозаика приезжих из разных

стран и регионов Казахстана, преобладание южных потоков мигрантов, концентрация иностранных компаний и непрерывная череда культурно и политически значимых мероприятий в столице естественным образом сказывается на ее языковой среде. Астана из почти полностью русскоязычного стремительно трансформировалась в город молодых, амбициозных и креативных людей, владеющих не только казахским и русским, но и английским языками, синтезировавших в себе восточный и западный типы культуры.

Итак, русскоязычное пространство в трех мегаполисах за последние десятилетия претерпело значительные изменения под влиянием внутренней миграции и языковых особенностей агломераций, а также разницы в темпах естественного прироста. Резко сократилась демографическая поддержка русского языка со стороны русских, а также тех этносов, у которых произошел языковой сдвиг в сторону русского языка (украинцев, корейцев, немцев и др.). На языковой среде мегаполисов сказываются также ощутимые потоки казахской молодежи из сел и казахов-репатриантов из КНР, Монголии, Каракалпакии, Узбекистана, совсем не владеющих или плохо владеющих русским языком. Значительная часть казахов-монолингвов, переживших языковой сдвиг в сторону русского языка, находится в состоянии добровольного поворота языкового сдвига (*reversing languageshift*) и постепенно вливается в основную массу казахов-билингвов. Необходимо отметить общий рост казахской и заметное снижение русской языковой компетенции в мегаполисах, которые из сугубо русскоязычных (Астана) или большей частью русскоязычных (Алматы) становятся двуязычными. Сами казахи по-прежнему сохраняют высокий уровень владения русским языком, а носителями русского языка в стране все больше становятся преимущественно нерусские⁴.

Двуязычие в мегаполисах страны в целом определяется как массовое, поскольку подавляющая часть населения обладает разной степенью казахской и русской языковых компетенций. Под действием активных мероприятий языкового планирования, меняющих языковую ситуацию страны, более отчетливой становится тенденция к формированию паритетности казахско-русского и русско-казахского (в нее включены не только русские, но и казахи с доминирующим русским языком) двуязычия, которому присущи сложный диффузный характер и подвижность языковых компетенций. Изменения в пространстве русского языка мегаполисов во многом связаны с новой политической символикой, и магистральным становится ее направление от казахского языка.

На предыдущем Конгрессе МАПРЯЛ была озвучена⁵ проблема сохранения норм русского языка и правил передачи ономастических единиц из казахского языка. Материал наблюдений и выводов был обобщен в первом ортологическом словаре-справочнике топонимов и их производных⁶. Несмотря на предписывающий характер языковой нормы, опи-

санной в соответствующих документах⁷ и справочнике, который был распространён в заинтересованных органах, сегодня можно говорить лишь об относительном упорядочении передачи казахских онимов на русском языке. Так, ещё в Инструкции 1939 года⁸ регламентировалось написание казахских слов *Жайылма, Алтай, Белбулаки* мн. др. без мягкого знака. Вопреки данному предписанию, сегодня написание *Бельбулак* более распространено, чем *Белбулак*, и число ссылок на *Бельбулак* (*участки в Бельбулаке, акимат Бельбулак, бельбулакский сельский округ* и т. п.) значительно превышает регламентируемое написание *Белбулак* (см. сервис объявлений OLX.kz). Точно так же отсутствует упорядоченность названий *Кегень / Кеген, Тургень / Турген* и мн. др. Это легко обнаружить при запросе в сети любого топонима этого ряда, когда «нормозадающий» вариант не оказывается таковым.

Подобные и иные трудности директивной ортологии усугубляются в настоящее время начавшимся переходом казахского языка на латинский алфавит. Если кириллическая письменность русского и казахского языков с высокой степенью сходства облегчала транслитерацию многих казахских онимов, то этого нельзя сказать о новом латинском алфавите. Пока рано говорить о том, как будет выглядеть весь онимикон Казахстана на латинском алфавите, поскольку орфографические правила ещё не прошли обсуждения и утверждения, но можно заметить, что диапазон и формы вариативности онимов продолжают расширяться.

С одной стороны, вариантность онимов и отонимических наименований в узусе может расцениваться как свидетельство наблюдающейся активной адаптации русским языком казахских онимов. С другой стороны, их конкуренция требует незамедлительного закрепления ортологического выбора и единого орфографического режима. В любом случае реальные процессы требуют панорамного мониторинга в динамике — только так можно будет понять главные тенденции казахско-русской передачи онимических единиц. Именно этими обстоятельствами обусловлена подготовка второго издания ортологического справочника⁹, в котором со стремлением преодолеть наблюдающийся графический, фонетический, морфологический и морфолого-словообразовательный разноречивой географических названий и их производных продолжена работа по их унификации, систематизации и стандартизации.

Ещё одна трудность, которая должна учитываться, — это изменившиеся социолингвистические реалии языковой среды мегаполисов — центра распространяющихся инноваций и формирования образцового речевого поведения. Совсем недавно общая русская языковая компетенция в них создавалась русскими, русскоязычными этносами, пережившими языковой сдвиг в сторону русского языка, а также казахами-монолингвами с доминирующим русским языком. Сегодня при общем снижении русской языковой компетенции¹⁰ её создают казахи-билин-

гвы, и все больше усиливается влияние казахской орфографии на русские названия.

Русский язык с давней культурно-исторической традицией использования казахским и всем нерусским населением страны, переживает нелегкий период. В 2010 году¹¹ мы спрашивали, насколько понятны иностранцам казахстанские тексты. Е. Протасова провела наглядный эксперимент — прочитала публикации на русском языке за первую половину мая 2014 года из казахстанских газет и сайтов и проверила их понимание. Обнаружив известную герметичность, «непрозрачность» русскоязычных казахстанских текстов, «обилие географических названий, имен и наименований различных явлений и объектов, не проясненные отсылки к истории, литературе, культуре, которые мешают понимать, о чем идет речь», Е. Протасова считает, что «русский язык в Казахстане из универсальной *лингва франка* постсоветского пространства...стал трансформироваться в некий национальный вариант русского», что происходит «автономизация казахстанского русского в рамках общего ареала русского языка»¹².

Напомним свое сравнение онимического пространства Казахстана с футбольным полем для двух сильных коммуникативных игроков — казахского и русского языков. Игроки мобильны, пространство подвижно и неизбежно сказывается на смещении и размытости ортологических норм. Замечая очевидное, но оставаясь осторожными в своих выводах, закончим мудростью древних *qui vivra verra*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все статистические данные приводятся по: Итоги Национальной переписи населения 1999 года в РК. Астана, 2000; Итоги Национальной переписи населения 2009 года в РК. Астана, 2010; Численность населения РК по отдельным этносам. Астана, 2018 <http://stat.gov.kz>; Сулейменова Э. Д., Шаймерденова Н. Ж., Аканова Д. Х. Языки народов Казахстана. Социолингвистический справочник / отв. ред. Э. Д. Сулейменова. Алматы: Арман-ПВ, 2008. 304 с.

² Хасенов Е. А. Метаязык и социолингвистические перспективы урболингвистики: дис. ... канд. филол. наук. Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, 2006. С. 4.

³ Сулейменова Э. Д., Шаймерденова Н. Ж., Аканова Д. Х. Языковая ситуация и опыт языкового планирования в Казахстане // Решение национально-языковых вопросов в современном мире: Страны СНГ и Балтии: сб. статей / гл. ред. Е. П. Челышев. М.: ООО Изд. центр «Азбуковник», 2010. С. 300–331; Сулейменова Э. Д. Макросоциолингвистика. Алматы: Қазақ университеті, 2011. С. 54–123.

⁴ Сулейменова Э. Д. Языковые процессы и политика. Алматы: Қазақ университеті, 2011. 117 с.

⁵ Сулейменова Э. Д., Мусабекова У. Е., Шаймерденова Н. Ж. Географические названия Казахстана и их производные: ортологическая адаптация в современном русском языке // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: мат-лы XIII Конгресса МАПРЯЛ. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 5. С. 200–205.

⁶ Сулейменова Э. Д., Мусабекова У. Е., Шаймерденова Н. Ж. Ономастика Казахстана: географические названия и отонимические производные: ортологический словарь-справочник. Алматы: Қазақ университеті, 2015. 232 с.

⁷ Инструкция по русской передаче казахских и казахской передаче русских географических названий РК. Алматы, 2002. 84 с.; Государственный каталог географических названий РК. Алматы, 12 томов, 2012. URL: <http://til.gov.kz/wps/portal>.

⁸ Аманжолов С., Симонов П. В., Назаревский О. Р. Основные положения транскрипции географических названий Казахстана. Сектор географии Казахского филиала АН СССР. Машинопись, 1939.

⁹ Сулейменова Э. Д., Мусабекова У. Е., Шаймерденова Н. Ж. Ономастика Казахстана: географические названия и отонимические производные. Ортологический словарь-справочник. Алматы: Казак университеті. Изд. 2-ое, 2018. 245 с.

¹⁰ Шаймерденова Н. Ж. Русистика в Казахстане: исследования и обучение // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: мат-лы IV Конгресса «РОПРЯЛ» и I Педагогического форума «Русский язык в современной школе» / Редкол.: К. А. Рогова, Г. М. Васильева и др. СПб.: РОПРЯЛ, 2014. Т. 1. С. 214–220.

¹¹ Сулейменова Э. Д. К осмыслению вероятности варианта русского языка в Казахстане // *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Arto Mustajokiet. al. (Eds). Helsinki, 2010. С. 252–265.

¹² Протасова Е. и др. «Казахстанский русский: взгляд со стороны» // *AbImperio*. 2017. № 4. С. 231–263.

Suleimenova E. D.

Al-Faraby Kazakh National University, Kazakhstan

Shaimerdenova N. Z.

Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University, Kazakhstan

RUSSIAN LANGUAGE OF MULTILINGUAL MEGACITIES OF KAZAKHSTAN

The authors argue that language space of cities, which reacts to language policy measures, actively and ahead of time, reflects the processes taking place in the general language situation of the country. The functioning of the Russian language in the megalopolises of Kazakhstan is due to the peculiarities of their ethno-linguistic structure; the description of it is based on the data of the Committee on Statistics, materials of the authors' dictionary directory of geographical names of the country. The authors proved the necessity of expanding research on directive orthology and urbology.

Keywords: multilingualism; bilingualism; megalopolis; orthology; onimic variation; language variants.